

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

Глава посвящена обзору представлений о том, что такое общая культура, *παιδεία*, присущих V и IV векам до Р. Х. Если определить общую культуру как совокупность знаний, приобретение которых имеет целью наилучшее развитие личности, а не профессиональную специализацию, можно в общем и целом выделить четыре типа: традиционный (гимнастика, музыка, литература), риторический (софисты, Исократ), платонический (математические науки, диалектика) и аристотелевский (универсальный курс).

Глава II. Школьные системы и общая культура в эллинистическую эпоху

В главе анализируются источники о школьной практике в эллинистическую эпоху: с этого момента публичное муниципальное образование заменяет частное или существует наряду с ним, что происходит с III века до Р. Х. в греческих городах Малой Азии и островов, а со второй половины столетия – в Афинах. Содержание этого публичного образования дает традиционный тип классической эпохи, то есть оно заключается прежде всего в спорте, музыке и литературе. Наряду с публичным образованием процветали многочисленные частные школы грамматики, «филологии», или риторики. Вопреки тому, что утверждает А.-И. Марру в своей статье *Les arts libéraux dans l'Antiquité classique* (в *Arts libéraux et philosophie au Moyen Age, Actes du IVe congrès international de philosophie médiévale, Montréal-Paris 1969, p. 12*) и в иных местах (*Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*), мы не обнаружили никаких следов существования цикла семи искусств в качестве «базового образования» ни в Греции, ни в Риме и Италии.

Глава III. Подготовительные этапы к формированию цикла семи свободных искусств в среднем платонизме

В этой главе описывается медленное зарождение цикла семи свободных искусств в недрах среднего платонизма, и показывается, что первый важный шаг к созданию концепции цикла был сделан в рамках Новой Академии реабилитацией риторики. Эта последняя на самом деле рассматривалась, по крайней мере начиная с Филона из Лариссы, как необходимый инструмент философа-платоника. То же самое отношение к риторике обнаруживается у Альбина (Алкиноя), Апулея, Плутарха и Максима Тирского, как и в иных случаях у всех греческих и латинских неоплатоников. Второй этап заключается в создании будущего *quadrivium*, засвидетельствованного в трудах Никомаха Герасского, поскольку именно у него мы впервые сталкиваемся с настоящим доказательством единства четырех математических наук. Никомах описывает их как *τέσσαρες μέθοδοι*, четыре дороги, ведущие к познанию умопостигаемых вещей. В VI веке неоплатоник Боэций, который создаст латинское переложение *Введения в арифметику* Никомаха Герасского, переведет *τέσσαρες μέθοδοι* как *quadrivium*, то есть «четверной путь», – термин, который затем превратится в *quadrivium*. Функциональное единство математических наук, основанное на онтологии, останется после Никомаха основным элементом платонических учений, и математические науки отныне сохраняют свое место в платоническом образовании вплоть до конца язычества. Этот подход был возможен только на соответствующем философском фоне и на основании учения, придающего отдельным числам онтологические функции. Что касается средневекового *trivium*, то во втором веке по Р. Х. как такового его еще не существовало. Это значит, что три науки – грамматика, риторика и диалектика – не были еще связаны друг с другом и не рассматривались как целое с философской точки зрения, за исключением, возможно, стоицизма, где грамматика, не называемая по имени, подлежала рассмотрению в рамках логической

части философии. Но в недрах платонизма, начиная с Филона из Лариссы, риторика и диалектика – в духе стоического учения – также рассматривались как части философии, а затем, у Плутарха, Апулея и Максима Тирского, грамматика в свою очередь стала приобретать значение вспомогательной философской дисциплины.

Глава IV. Рождение цикла семи свободных искусств в платонизме и условия его рецепции христианами в Средние века

Только в IV веке засвидетельствована система, разработанная, самое позднее, у Порфирия в III веке, которая связывает, с одной стороны, три науки будущего *trivium*, а с другой – эти последние с четырьмя математическими науками *quadrivium*. Речь идет о второй книге трактата *De ordine* св. Августина. Исследование этого текста позволяет обнаружить в том, что относится к порядку занятий различными науками, многочисленные элементы неоплатонического учения: три платоновские ипостаси, Единое, ум и душу; учение, согласно которому человеческий ум всегда сохраняет свою связь с умом божественным; понятие божественного закона, записанного в душах мудрых; определение человека как разумной души; уюторичная роль памяти; онтологическое обобщение (II, 16, 44) с типично неоплатоническими формулами, – формулами, не засвидетельствованными до Порфирия и параллели, которые мы обнаруживаем у последнего, у Мариа Викторина и Клавдиана Мамерта. Более того, эти доктринальные подробности неоплатонического происхождения вовсе не имеют маргинального характера, но выполняют структурирующую задачу в доказательствах; они служат для того, чтобы подкрепить центральный тезис книги II *De ordine*, согласно которому семь наук – это ступени, последовательно ведущие от воспринимаемого чувствами к умопостигаемому, что и составляет собственно задачу философии; именно последняя способна подняться над ними, до есть постигнуть непознаваемое, Единое, с помощью апофатического богословия. Семь наук, таким образом, оказываются пропедевтическими дисциплинами не для философии как таковой, а для неоплатонической философии. Совокупность фактов приводит к выводу, что Августин использовал при сочинении II книги *De ordine* неоплатонический источник, может быть, трактат Порфирия «О возвращении души».

Анализ второй книги *De ordine* Августина сопровождается рассмотрением произведения в девяти книгах неоплатоника Марциана Капеллы «Брак Филологии и Меркурия». Первые две книги описывают сватовство и брак Меркурия и Филологии, затем – апофеоз последней. Семь остальных посвящены свободным искусствам по отдельности. Мы объясняем аллегорию первых книг следующим образом: Филология является олицетворением знания, которое должна стяжать разумная человеческая душа, чтобы вернуться на свою родину и обеспечить союз с Божественным Разумом, Меркурием. И на самом деле, «Брак...» Марциана Капеллы – всего лишь изложение в аллегорической форме того, что Августин уже рассмотрел во II книге трактата *De ordine*: путь, который предстоит пройти душе, знание, которым она должна овладеть, чтобы после смерти суметь вернуться на небо. Но ответ Марциана Капеллы на этот вопрос – более обширный, чем у Августина. В то время как последний ограничивается семью свободными дисциплинами и философией, Марциан Капелла упоминает, кроме того, семь мантических искусств и теургию. Семь следующих книг описывают содержание этих необходимых знаний, насколько это возможно: семь мантических искусств не раскрываются; описание ограничивается семью свободными искусствами. Таким образом, цикл из семи свободных искусств у Марциана Капеллы, как и у Августина, вписывается в контекст платоновской философии; он был задуман как частичный ответ на вопрос, какими средствами разумная человеческая душа могла бы обеспечить себе возврат на родину.

В другой части главы подробно рассматривается гипотеза о влиянии «Дисциплин» Варрона на вышерассмотренные произведения Августина и Марциана Капеллы, и делается вывод, что таковое отсутствовало.

Завершает главу очерк о роли Кассиодора и Исидора в передаче неоплатонического цикла семи свободных искусств христианскому Средневековью.

Глава V. Школьная система и общая культура эпохи Империи

В этой главе рассматриваются литературные, эпиграфические и юридические источники, из которых мы можем почерпнуть сведения о распространенной школьной практике и общей культуре эпохи Империи. Эти изыскания привели к следующему результату: наиболее частым видом образования, что касается детей высших классов общества в эпоху Империи, было образование грамматическое и риторическое. Счету учились в рамках элементарного курса, предшествовавшего грамматическому. Получив (либо еще получая) риторическое образование, лишь незначительное меньшинство продолжало свои занятия и изучало философию, и лишь философский курс (за исключением тех случаев, когда получали профессиональную инженерную или землемерную подготовку) давал возможность изучать математические науки, выходящие за рамки элементарного. Цикл семи свободных искусств не играет роли институциональной основы общей культуры в эпоху Империи, как и в эллинистическую эпоху.

Глава VI. *ἑγκύκλιος παιδεία*: понятие и содержание

Книга завершается рассмотрением различных случаев употребления в античной литературе термина *ἑγκύκλιος παιδεία* и его эквивалентов, таких, как *ἑγκύκλιοι τέχναι*, *ἑγκύκλια μαθήματα*, *ἑγκύκλια προπαιδεύματα* и т.д. Изучение контекстов позволяет установить, что эти термины связаны с некоторыми основополагающими представлениями научно-философской сферы: единство корпуса наук; необходимость подготовки к философским занятиям, сформулированная в виде образа кругового пути и хоровода Муз, а также предполагающая для философов подчинение *ἑγκύκλιος παιδεία* философии: наконец, отождествление *ἑγκύκλιος παιδεία* с «искусствами, основанными на рассуждении».

Все эти темы можно усмотреть в употреблении термина *ἑγκύκλιος παιδεία* у Филона Александрийского, что выдает влияние на этого автора современного ему среднего платонизма. К значительному влиянию Филона на использование этих терминов у Климента Александрийского добавляется влияние платонизма II века. Но и у некоторых других авторов можно столкнуться с термином *ἑγκύκλιος παιδεία* в таком контексте, который не позволяет установить точно его значение. Мы также рассмотрели эти случаи.

Это рассмотрение дает возможность прийти к общему выводу, что формула *ἑγκύκλιος παιδεία*, вовсе не описывая общераспространенного явления в духе «общего образования», является плодом сложной философской рефлексии. В конце нашего исследования мы возвращаемся к тому, что было его *leitmotivом*: к теоретико-философскому характеру всех классификаций в сфере наук и искусств.

Обобщенный вывод можно сформулировать следующим образом: на самом деле «свободными искусствами» называли все занятия, достойные свободного человека, будь то интеллектуальные, спортивные или военные, в то время как понятие *ἑγκύκλιος παιδεία* ограничивается «искусствами, основанными на рассуждении», и включает в себя теоретическое представление о единстве всех наук.